

Цена 20 пф.
Pfg.

Подложка из Германии
1 зол. марка в квадрате
Составлено в Берлине: Печать текста
запись за миллиметр, в тексте 60 лф.
за миллиметр.

Редакция газеты «Время» в Берлине —
Berlin W. S., Kronenstrasse 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

Редактор: применим впереди, от 12-14.
Прием писем и объявлений в контору
издательства Berlin W. S., Kronenstr. 4-5
Телефон: Merkur 4340 и 4341.

ВРЕМЯ

„WREMJA“

ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№ 322

Год издания VI

Вл. Де-ли.

Безумство храбрых.

Вот уже десять дней, как узенская телеграфная лента сматывается в клубок: «Возстание в Грузии подавлено», «Возстание в Грузии разрастается», «Грузинские банды истреблены», «Грузия ведет отчаянную борьбу с порабощителями своей независимости».

В маленькой Грузии идет борьба, исход которой, конечно, уже предрешен. Но важно то, что флаг борьбы поднят в независимой единице федеративного СССР.

В то время, как грузинские меньшевистские министры ведут усиленную пропаганду, особенно в Англии, о помощи Грузии для избавления от советского ига, в то самое время, как Гечекори и Жорданашвили представляют союзнико послов и Лигу Наций всемирные меморандумы — Макдональд дружески жмет руку Раковскому, правительство которого «сурьями мързами подавляет возстание» в маленькой свободолюбивой Грузии.

Другое совсем было, когда Грузию необходимо было отыграть от России и создать из нее независимую республику с «независимым нефтепроводом», кочающим нефть для наливаний Батумским портом франтоватых «гугльщиков» с пропыней-флагом Великобритании.

Тогда Англия горячо отстаивала независимость Грузии и, защищая «независимость нефтепровода», держала в Грузии военные силы и специального политического комиссара, тогда Англия первой подала голос за признание независимости «Великой Грузии» и однажды правительство Жорданашвили и Гечекори своим высоким протекторатом.

Но времена штата... И в свободной Англии первый рабочий премьер-министр быстро усвоил тайну дипломатической лести, которой представители «гугльщиков» с пропыней-флагом великолепны.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Великим людям, въль, свойственная забывчивость.

Вл. Де-ли.

Экономическая контрреволюция.

Большевики «обнаружили» у себя экономическую контрреволюцию. По всей территории Советской России пошла сейчас новая полоса судебных процессов. По обвинению в экономическом шпионаже, в экономической контрреволюции. Сколько подсудимых занимали инженеры, техники, директора и администраторы рудников, фабрик и заводов, так называемые «специалисты».

Из стереотипных пунктов обвинительных актов не трудно усмотреть, что все эти процессы носят специфический характер. Как и процессы против духовенства и разного рода «заговорщиков» кружков, прошлом, они созданы по указке, по распоряжению, плодом сговора.

Судя по тону печатаемых судебных отчетов, большевики придают процессы, видимо, большое значение. Администратор Атбасарских мельничных рудников, в Сибири, инженер Якобсон приговорен к высшей мере наказания и уже расстрелян. Это плохой предзимонье, плохой симптом.

Сейчас идет разбирательство в первом суде Украины, в Харькове, для администрации Кадетских рудников. На скамье подсудимых инженеры: Гуляков, Манукян, Балтыгис, Годзевич и др. В Оренбурге началось дело бывшего сотрудника губисполкома инж. Романовича, Плодовского и др. Следствие начало против целого ряда инженеров. Всем им угрожает расстрел.

В чем риши этой новой, «обремененной» группы русской интеллигенции, не принимающей никакого участия в политической и отдающей большевикам, в качестве «специалистов», их силы, знания и опыт для поддержания от окончательного раз渲ла народного хозяйства?

Инженер Якобсон поплатился жизнью за попытку сношения с бывшими владельцами рудников, англичанами. Он написал письмо в Лондон — и попало оно в ГПУ, — в котором сообщал, якобы, свои наблюдения над производством рудничного и заводского хозяйства. Это официальная версия. Мы знаем большевиков, на что они способны, и отнеслись с полным доверием к этому «нельзя». Трудно допустить, чтобы инж. Якобсон был так наивен, доверился почтам и в письме так бы откровенничал. Но если даже и так, если он и допустил эту опрометчивость, то вину все же не такая тяжкая, чтобы за нее карать склеро. И доставка рабочих рудников, обвиненная в вине протеста против раз-

Г. Блок.

О предъях свободы.

Прежде считалось, что язык дипломату дан для того, чтобы скрыть его мысли. Теперь, кажется, этот язык существует для того, чтобы болтать глупости, — выбалтывать то, чего нет в мыслях. У всех в памяти потоки прекраснословия Вильсона, Ллойда-Джорджа, Нитти и др. И что же?

Вильсон отвернулся от своего дѣтища, Лиги Наций. Ллойд-Джордж и Нитти в статьях и книгах всеми мѣрами постарались, что было создано ими в 1919-1920 гг. Почему это так? почему так скоро наступила реакция? просмотр? Не потому ли, что это прекрасное было пустой болтовней, которая нужна была, чтобы загладить впечатление от совершенно дружными усилиями безобразия?

Как бы то ни было, опыт показал, что политическое прекрасное нельзя претворить в практику, как реалист показал неосуществимость «мысоких» лозунгов свободы, братства и т. д. Идеалистическая романтика при соприкосновении с действительностью янки, как штук, нашептанный сердца слепят за неравной борьбой и скрывают ее маленьких, не всегда разумных, соудей, которые в тяжелую пору отвернулись от государственно-настроенных людей России и пошли за «Синей птицей» Британ.

Не помнят уже русские того угарно-шовинизма, каким дышала республика Грузии в первые дни упования свою независимость, не помнят ни Метехского замка, ни рѣки Бзыби, ни «крепости» «Чорх».

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Но своим пультом мирового диктатора Макдональда забыл о маленьком музыкантике — Грузии.

Помнят лишь, что 10 лет тому назад в Мазурских болотах, сняхах Карпат и в горах Курдистана бок о бок с ними дрались отряды храбрых грузин, дрались за единую, великую Россию.

Несмотря на многое, чего казалось бы забыть нельзя, помнят рудные гости притворство и веселую беззаботность свободолюбивого грузинского народа и, конечно, только лишь успеха желают его борьбы против Красного Интернационала.

Жак Нуар.

Когда падают листья.

Г. Розинову.

...Недалеко от моей квартиры, в небольшом сквере, где еще недавно гомонила рязкая веселая дятловна, — сегодня умолк и пусти.

Неторопливо свет мелкий размбренный дождь.

Словно подстrelloенная птицы, падают умершие листья с нахолившихся деревьев.

Устилают мокрый гравий, побурьша траву газонов, желтыми лодочками качаются на сморщенной воде в бассейн.

На сырой скамье, приткнувшись в углы, съехав голову на грудь, дремлет обтрепанный человек в расплощенном котелке.

Бездработный.

Быть может, он всю ночь прошел на этой самой скамье...

Плачущие падают осенние листья. Засыпают дремлющего человека.

В боконой улице скрипала шарманка.

«Разлука ты-и разлука-а.

Ра-дна-я-ста-а-ра-на-а»...

Нѣт, нѣт, эти слова мѣй почудились.

Шарманка играет популярную итальянскую пѣсеньку.

И пѣсеньки аккуратные, и шарманка новенькая.

А у нас и пѣсни надорванные, и шарманка хрипящая разбитая, как живиша горемичная...

«...Ра-дна-я-я-ста-а-ра-на-а»...

Гдѣ она? На чужих асфальтах, на чужих кроватях, в чужих скверах, гдѣ плачут двери, гдѣ спят на скамьѣ безработный...

...«Разлука ты-и разлука-а»...

приставкой «а», которого спровоцировал Бог не одарил ни особенным умом, ни талантом, ни тактом, ни даром ораторского красноречия. В обычные часы он приходит в посыпание парламента, и если находится в хорошем расположении духа, то беседует в кулуарах или буфете о погоде, о скажках, о цыбах, а затѣм ёдет домой, съѣдает обѣд, а вечером тискает прекрасную Бланш.

Так проходят годы и ни одна газета не отмѣтила признаками политического бытия человека с приставкой «а».

Но когда на него находит приставку скучи, он дѣлает в парламентѣ или сенатѣ скандал правителству. Правителство дает обѣзеніи, телеграфными волами по всему свѣту разносятъ вѣсти о выступлении неизѣстного человека. Человѣк счастливъ сноша весел, аппетитъ есть, привѣтливъ с женой, прекрасна Бланш получает удовольствіе количествомъ поцѣль и франков. Пока не начнется новый приставок скучи.

Вот отчего, когда радиономочный телеграфъ приноситъ вѣсть об' очередномъ выступлении сенатора де Монзи на почѣ скучи, я всегда горячо молю Бога поразить сагита, скучающаго человѣка с дреиной голубой кровью проказой русскаго большевизма.

И как пріятно представить себѣ какого нибудь де Монзи, попавшаго въ

...Падают, падают листья. Безпомощно цѣпляются за вѣтки обеташыхъ кустов, прилипают къ пустымъ скамьямъ, къ толстой подошвѣ прохожаго...

Помоши ищут. Участія. Не хотят умереть.

У выхода, на пескѣ лист русской газеты. Кто-то потерял или бросил.

В хроникѣ:

«На Тегельскомъ православномъ кладбище, на могильномъ крестѣ инженера Разумихина была обнаружена повѣсишія его жена. Въ карманѣ покойной была найдена записка стѣдующаго содержанія:

— Прощу Христу Спасителю простить мнѣ мой грѣхъ и похоронить меня рядомъ с моимъ мужемъ И. А. Разумихиномъ. Мій 74 года. Силъ нетъ больше жить! Тоска по родинѣ заставляет...

...Я кладу газетный листъ на газонъ, сажусь противъ на мокрую скамью и, сѣхъ отъ вѣдущаго дождика, смотрю какъ листья покрываютъ хроникерскую замѣтку.

Такъ они сегодня кроютъ сѣжую мозгу старухи.

...Падайте, падайте... Скоро и васъ нестанет. Останется дрожащія оголенные деревы, безнадежно сѣре небо, да дешевый крестъ на могилѣ самоубийцы, склонченный изъ убитыхъ щедротъ соотечественниковъ...

...Падайте, падайте...

...«Ра-дна-я-я-ста-а-ра-на-а»...

ЖАК НУАР.

условія, давно ставшія многолѣтнимъ бытомъ десятковъ миллионовъ русскихъ. Я хочу, чтобы въ великолѣпномъ особнякѣ де Монзи, ночью, по нѣсколько разъ со введенными курками револьверами и шинковокъ приналисъ полиціи чекистовъ. Чтобы они перервали всѣ матрасы и подушки, изломали паркетъ, выстукали молотками стѣны, отыскали замурованныя драгоценности. Я хочу, чтобы и отѣтъ на престолъ сенатора «агапите, либерте, франтире», сенатора Монзи посадили въ чеку, посадили на вѣши, а затѣмъ ёдетъ домой, съѣдѣтъ обѣдъ, а вечеромъ тискаетъ прекрасную Бланш.

Но прежде чѣмъ душа сенатора отѣдилась бы отъ бренной своей оболочки, я хотѣлъ бы, чтобы онъ видѣлъ, какъ его жена и прекрасная Бланш, запряженные и ассенизационныи дороги, стали бы исполнять «служеніе пролетариата».

Сенаторъ де Монзи не сталъ бы скучать. Онъ не торопился бы дѣлать запросы о скорѣшемъ признаніи власти пролетариата.

Праведный Боже! Ты, извѣшивающій дѣла людскія на вѣсахъ твоей справедливости и воздающей каждому по дѣламъ его, повѣли, чтобы и одну прекрасную ночь сенаторъ де Монзи съ дреиной голубой кровью проснулся въ асѣнѣ русскаго большевизма.

И какъ пріятно представить себѣ какого нибудь де Монзи, попавшаго въ

ОБЛОМКИ.

XIX.

ДОРОШЕВИЧ.

Тотъ, кого называли «Королемъ фельетоністовъ», — большой, бритый, губастый и носастый, октанкой гудящій гоночникъ — осанкой своей и впрѣмъ живялъ что-то, королевское. Въ пору знатчайшей литературной карьеры и листкахъ Москвы и Одессы, Дорошевичъ вѣроятно не имѣлъ ни этой осанки, ни своего сочнаго баса. Но Дорошевичъ Альбертовской «России» и Сытнинскаго «Русск. Сл.», всей великой, малой и бѣлой Руси известныи Владъ Михайловичъ, на жилъ себѣ и осанки и то. Изъ книгъ... «шней прошлой журналистики, онъ, да Амфитеатровъ наиболѣе китообразныи и въ прямомъ (по размѣрамъ) и въ переносномъ смыслахъ.

И оба они — типично русскіи, ширне даже — московскіи жанры, никакой стороной своей не конспирини и вѣка, не культуры Запада.

Дорошевичъ — эпоха, Дорошевичъ — россійское изобрѣтеніе. Эпоха — потому что ни до него, ни послѣ него такъ не писали и не будутъ писать; а россійское изобрѣтеніе, — потому что нигдѣ въ мѣтѣ нѣтъ и не можетъ быть явленія подобнаго Дорошевича. Онъ — глава школы, изобрѣтатель, творецъ литературнаго фокуса, добывающаго ему корону. Изобрѣтѣніе его, доступное лишь богатству русскаго языка, состояло въ томъ, чтобы мысли и образы зашивались не сплошными линиями, какъ рисунокъ художника, а — пунктиромъ. Въ этомъ смыслѣ Дорошевичъ — прямая противоположность Меньшикову, не говоря уже о Герценѣ и Михайловскомъ, чаровавшихъ именно художественной линейностью рисунка. Дорошевичъ — пунктир и потому — антихудожествененъ. Но его антихудожественность — сплошное художество, какъ его вѣтшее уродство, по мнѣнию женщинъ, было краснѣ.

Не умный и необразованный, не исповѣдывавший ровно никакихъ яркихъ убѣжденийъ, не борецъ и не герой и, даже, вовсе не общественникъ, этотъ новаторъ россійскихъ письменъ сумѣлъ подняться въ общественномъ вниманіи выше умницъ, носителейъ учености, борцовъ за идеи, героевъ дня. Читай Дорошевича, никто не умѣлъ, не распластился, не возвышался; но многие плакали, а большинство — хохотали. И это не было «смѣхъ сквозь слезы». Гоголя или

былъ здоровыи, нутряной, облегчающей жизнь, сугубо-русскіи смѣхъ. Былъ здѣтой иѣкъ, когда Москва и Одесса, известнаго сортаго публика никого, кроме Дорошевича, не читала. Было счастливое времѧко, когда Дорошевичъ съ Амфитеатровъ принимали въ «Стрѣльбы» съ тѣмъ же почетомъ, какъ и Рябининскаго и Мамонтова. Порифиоронная журналистика соперничала тогда съ порифиоронскимъ куническимъ.

Дорошевичъ — преемникъ Щедрина. Но ученикъ во многомъ пересор вчителя. Специализировавшись на короткихъ, безъ промаха, ударахъ, Дорошевичъ оточилъ тиражеватку, нынѣ подобно похоса, Щедринскую сатиру въ стилѣ. И былъ имъ иѣнѣрникъ. Какъ и Меньшиковъ, Дорошевичъ — убийца; но онъ убивалъ уже осужденныхъ, приподнявъ въ исполненіе общественнаго приговора. Вмѣсть съ общестомъ, онъ часто вѣшился — билъ неининыхъ. Но въ немъ не было и капли Меньшиковскаго человѣко-инсанистичества, литературнаго мазохизма. Между Меньшиковымъ и Дорошевичемъ таинственная разница, что первый гляделъ противъ шерсти, а второй по шерсти; первый глумился, второй острѣлъ. И помнѣніе одинъ изъ фельетоновъ Дорошевича, что въ время студенческихъ беспорядковъ онъ начинался такъ:

— Господа студенты, — вашъ постный самыи высшій въ государствѣ... и т. д.

Студенты приняли это всерьез и поклонились. А люди зѣрлье добродушно посмѣялись. И этотъ китъ плылъ по теченію.

Ни одно антиправительственное движение не находило въ немъ осужденія. Но это попустительство остановилось на границахъ, за которыми колебались устои власти вообще и монархическаго принципа въ частности. Онъ никогда не написалъ бы Амфитеатровскаго памфлета «Обмановъ», хотя у Дорошевича онъ вышелъ бы и талантливыи, какъ пули. У Дорошевича онъ нападались фразы, стоянія иѣльныхъ Щедринскихъ сатир. Онъ напр. писалъ:

— «Околодочный надзиратель получаетъ 30 руб. жалованія.

За квартиру платитъ 31 рубль. Откуда околодочный беретъ этотъ религиозное преклоненіе передъ россий-

скими сквозь желѣзъ Щедрина, — это

«Руль» оставляла вниманіе на разкѣ измѣнившемся отношеніи Европы къ большинску, на охажденіи къ нимъ со стороны всѣхъ круговъ общества. Что же случилось? Что измѣнилось внезапно? Что подѣльствовало такъ въ пользу охажденія къ Советской Россіи?

— безнадежная пустота советской власти.

Всъ начинаютъ понемногу уѣждать съ,

что никакъ «свѣтии не сваривъ».

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Способствовали же этому «признаніе» и заключенные торговые договоры, благодаря которымъ выяснилось, что болѣе 100000000 рублей не нѣй былъ наложенъ на Россію, и осталось наложеніемъ изнутри.

Когда все это выяснилось, иностранцы измѣнили свой фронтъ и стали отстраняться отъ советскаго правительства.

II, думается, скоро мы зѣмлю, какъ все опредѣлѣніе, хотя и безъ ясныхъ новыхъ оснований, стѣнѣ отѣтъ отъ него — соціальности; и фашисты, и панцисты, и милитаристы, и буржуа, и рабочіе, и инженеры, и ромашки, и демократы, и извѣстократы, и гуманисты, и министры...

— Прощу Христу Спасителю простить мнѣ мой грѣхъ и похоронить меня рядомъ съ моимъ мужемъ И. А. Разумихиномъ. Мій 74 года. Силъ нетъ больше жить! Тоска по родинѣ заставляет...

— безнадежная пустота советской власти.

Всъ начинаютъ понемногу уѣждать съ,

что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

Слѣдуетъ, что никакъ толковаго не сдѣляешь: соціальная кинель начинаетъ подѣльдѣть.

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ГЕРМАНИИ

ЧЕХОСЛОВАКИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ